

**НОВАЯ
И
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ**

№ 3
МАЙ — ИЮНЬ
1993

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Смоленский П.И. О разработке теоретических проблем исторической науки	5
Могильницкий Б.Г. (Томск). Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии	9
Хвостова К.В. К вопросу об историческом познании	20

СТАТЬИ

Генерал-полковник Гершков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.	29
Академик Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны	46
Черкасов П.П. Россия и Франция в XVIII в. Итоги и перспективы исследования	58

СЛОВО ИСТОРИКА

Академик Тодоров П. (Болгария). Балканский узел противоречий. История и современность	75
---	----

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Ответы профессора исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.П. Смирнова на вопросы редакции журнала "Новая и новейшая история"	79
---	----

ПУБЛИКАЦИИ

Варшавское восстание 1944 г. Документы из рассекреченных архивов	85
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе	107
---	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Синюс В.Я. Гайные документы "странной войны" (окончание)	119
Александрова Т.А. Дом Романовых после 1917 г.	139
Видоградов К.Б. (Санкт-Петербург), Лихарев Д.В. (Уссурийск). Адмирал Фишер и борьба Великобритании за господство на морях в начале XX в.	158

ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ

- Полов Б.С. Эдуард Гиббон – историк, писатель и мыслитель эпохи Просвещения (1737–1794) 177

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГИ

- Блон Ж. PQ-17, истребленный конвой. Из истории союзнических отношений. 1942 г. Предисловие В.Н. Воронова 196

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

- Авникеев А.А. (Ставрополь). Поиск новой системы исторического образования 212

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

- Дунавский В.А. Необходимые уточнения 219

РЕЦЕНЗИИ

- Кузьмичева Л.В. Е.П. Кудрявцев а. Россия и образование автономного сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992 222
Академик Тихвинский С.Л. Лю Д а н я н ь. Избранные статьи по проблемам исторической науки. М., 1992 225
Орлик И.И. И. В а л е н т а. Советское вторжение в Чехословакию, 1968. М., 1992 227
Буриц С.П. Н.Э. С о л. Далекие друзья: США и Россия, 1763–1867. Лоуренс, 1991 229
Виноградов В.Н. Лабиринт национализма. Хитросплетения дипломатии. Очерки в честь Чарльза и Барбары Елавиной. Колумбия (Огайо), 1992 231

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

- Пономарев М.В. Несостоявшийся "русский брак" Наполеона Бонапарта 234
Додолев М.А. Записка графа Аранды 241

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Милюкова В.И. В Научном совете РАН "История международных отношений и внешней политики России" 245
Петелин Б.В. (Вологда), Кретьнин С.В. (Воронеж). Германская социал-демократия: уроки истории 246
Лихоткин Г.А. (Санкт-Петербург), Лябутина Т.Л. Международная конференция по истории "Века Просвещения" 247
З.С. Шейнис 249
Б.И. Марушкин 249
Д.Е. Меламид (Мельников) 250
М.Т. Мещеряков 252

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ (главный редактор)

А.В. АДО, В.А. ВИНОГРАДОВ, В.Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ (ответственный секретарь),

Т.М. ИСЛАМОВ, Н.П. КАЛЫКОВ, Ф.И. КОВАЛЕВ, И.И. ОРЛИК,

Ю.А. ПИСАРЕВ, В.С. РЫКИН, Н.И. СМОЛЕНСКИЙ, В.В. СОГРИН,

Е.И. ТРЯПИЦЫН (зам. главного редактора), Л.Я. ЧЕРКАССКИЙ,

Е.Б. ЧЕРНЯК, А.О. ЧУБАРЬЯН, Е.Ф. ЯЗЬКОВ

Адрес редакции: 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21,
тел. 227-19-93, 227-04-45

Канонизация этой теории была следствием прежде всего превращения ее в идеологическую догму, на этом фоне на первый план выдвигалась преимущественно иллюстративная сторона исторического знания, а специалистами в области методологии стали считаться не столько профессиональные историки, сколько философы. Между тем одна из лучших традиций отечественной и зарубежной историографии XIX – XX вв. состоит в том, что историк-профессионал, занимающийся изучением тех или иных конкретно-исторических проблем, должен быть хорошо ориентирован и в области методологии; в советской историографии это сочетание стало проявляться сравнительно редко. Утрата названной традиции произошла не потому, что она себя изжила; напротив, она и сегодня является одним из главных условий разработки методологических проблем на необходимом профессиональном уровне.

© 1993 г.

Б. Г. МОГИЛЬНИК И Й

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализ современного состояния отечественной исторической науки приводит к выводу о глубоком кризисе ее основ, носящем выраженный методологический характер. Крушение безраздельного господства марксистской социологической теории породило в нашей науке своеобразную "концептуальную анархию", оборотной стороной которой является подчеркнутое равнодушие значительной части историков-практиков к методологическим проблемам. Показательно в этой связи заметное уменьшение публикаций по методологии истории в центральных исторических журналах. Более или менее регулярно они появляются только на страницах "Новой и новейшей истории", что, естественно, никак не может возместить отсутствия широкого обсуждения современного состояния и задач историко-методологических исследований.

Преодоление этого методологического застоя, разительного контрастирующего с острыми методологическими дискуссиями в новейшей западной историографии, составляет необходимую предпосылку действительного обновления отечественной исторической науки, существенного повышения ее теоретического уровня. В новейшей литературе уже подчеркивалось как неудовлетворительное состояние методологических исследований в стране, так и настоятельная потребность в обновлении методологического инструментария нашей науки, намечались, хотя и с разных позиций, перспективы такого обновления¹. По существу, задача заключается в формировании нового понимания истории, отвечающего современным научным и социальным реалиям и позволяющего существенно расширить наше знание о прошлом, равно как и обогатить сами подходы к его постижению. Такое понимание обязано учитывать новейшие тенденции в развитии зарубежной

¹ См.: Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки. – Вопросы истории, 1991, № 2–3; Ковальченко И. Д. Некоторые вопросы методологии истории. – Новая и новейшая история, 1991, № 5.

историографии, в которой все интенсивнее идут интеграционные процессы, позволяющие говорить о возникновении действительно мировой исторической науки, органическим звеном которой должна стать российская историография.

Интернационализация исторической науки, однако, не исключает сохранения специфики отдельных национальных историографий. В полной мере это относится и к отечественной историографии, обладающей собственными традициями изучения теоретико-методологических проблем исторического познания. Вот почему обсуждение перспектив историко-методологических исследований в стране должно тесно увязываться с анализом их ретроспективы. Опыт такого анализа предлагается в настоящей статье. Хорошо сознавая невозможность представить в ее рамках сколько-нибудь исчерпывающее освещение всей картины развития историко-методологических исследований, автор намерен сосредоточиться на характеристике некоторых ведущих тенденций, связанных главным образом с выявлением общих закономерностей этого развития. Исходным при этом является убеждение, что отечественная методология истории обладает значительным творческим потенциалом, позволяющим ей подняться на современный уровень исследования природы исторического познания и, таким образом, внести свой вклад в преодоление нынешнего кризиса исторической науки.

Уже на рубеже XX столетия в трудах Н.И. Кареева, Д.М. Петрушевского, Р.Ю. Випера, А.С. Лапшо-Данилевского был рассмотрен широкий спектр историко-методологических проблем, связанных главным образом с изучением природы исторического познания. Эти труды и поныне сохраняют актуальное значение. В то же время в трудах русских философов, вступивших на поприще науки в начале нашего века, прежде всего Л.П. Карсавина, на обширном конкретно-историческом материале предвосхищена постановка целого ряда вопросов, относящихся к духовной стороне исторического процесса, интенсивно разрабатывающихся в современной науке.

Октябрьская революция положила начало новому этапу в развитии методологии истории, как и исторической науки в целом. Представляется принципиально важной объективная оценка этого этапа — хотя бы потому, что все мы вышли из него, воплощая в той или иной степени его характерные черты и в своих научных подходах, и даже в самом менталитете. Такая оценка необходима не только для того, чтобы адекватно оценить значение 70-летнего периода в истории отечественной исторической мысли, но и в не меньшей мере для понимания современной историографической ситуации и дальнейших перспектив историко-методологических исследований в нашей стране. Эта оценка не может быть однозначной, а общая характеристика периода не должна рисоваться в черно-белых тонах. Сегодня очевидна несостоятельность характеристики, всецело построенной на противоположности "антинаучной" буржуазной и единственно научной марксистской методологии, равно как и вытекающая из этого противопоставления убежденность в методологическом превосходстве советской исторической науки. Но едва ли ближе к истине зеркально противоположная, нигилистическая оценка советской историографии, доходящая до изображения ее в качестве фабрики, создавшей самую фальсифицированную историю всех времен и народов.

Отнюдь не отрицая широчайшего размаха фальсификации истории в рассматриваемый период, все же признаем, что это определение никак не может исчерпывать всего его содержания. Это был сложный и чрезвычайно противоречивый период, характеризовавшийся не только глубинами падения официальной историографии, низведенной до обслуживания тех или иных партийно-идеологических лозунгов, но и взлета исследовательского мастерства в самых разных сферах исторического познания, получившего широкое международное признание.

Столь же противоречивый характер носило и развитие методологии истории.

Доминантой этого развития было овладение и обоснование марксистской методологии истории. Представляется, что обращение к теоретическому наследию основоположников марксизма имело позитивное значение для отечественной историографии, способствуя обогащению ее познавательных возможностей, тем более, что за ним стояла достаточно длительная и устойчивая традиция. Начиная с последней четверти прошлого столетия марксизм стал оказывать заметное влияние на методологические поиски русских историков.

Другое дело, что уже в 20-е годы утверждение марксистской методологии в советской исторической науке все более приобретало характер идеологического, а затем и административно-политического насилия, сопровождаясь жестким подавлением всякого инакомыслия, что в свою очередь неотвратимо вело к догматическому перерождению самого марксизма, превращавшегося из научного метода социально-исторического познания в собрание догматов, раскрывающих раз и навсегда все тайны прошлого, настоящего и будущего.

Следует, правда, заметить, что такая трансформация марксистского учения произошла не сразу и утвердилась не полностью. На протяжении 20-х годов предпринимались отдельные попытки противостоять догматизации марксизма, в частности, путем обогащения и корректировки его метода в свете новейших достижений мировой социально-исторической мысли. Покзательным примером могут служить настойчивые усилия молодого А.И. Неусыхина включить марксизм в общее русло развития современного общественнознания, что предполагало возможность и даже необходимость обогащения категориального аппарата марксистской историографии за счет понятий, выработанных немарксистской историко-теоретической мыслью. Как это можно было делать, он убедительно продемонстрировал на примере "перевода на марксистский язык" некоторых фундаментальных положений историко-социологической теории Макса Вебера².

Увы, не эти усилия определяли интеллектуальный климат советской исторической науки 20-х годов и в особенности тенденции ее последующего развития. Безраздельное торжество догматического марксизма сделало на долгое время невозможным вообще какое-либо серьезное исследование теоретико-методологических проблем истории.

Положение стало постепенно изменяться только после XX съезда КПСС, когда в стране возрождается изучение методологии истории. Своеобразной отправной вехой в этом процессе стало опубликование в 1961 г. в журнале "Вопросы истории" письма А.И. Данилова, в котором он не только указал на настоятельную необходимость "самой серьезной творческой разработки гносеологических проблем исторического исследования", но и сформулировал их примерный перечень: "своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке, природа исторических понятий, специфика их образования, философские, экономические и правовые категории в историческом исследовании, диалектика общего, единичного и особенного в историческом познании, процесс обобщения фактического материала в работе историка, методологические основы различных путей исторического исследования"³.

В январе 1964 г. впервые за долгое время состоялось оживленное обсуждение методологических проблем исторической науки, в котором приняли участие многие видные советские историки и философы. На двух расширенных заседаниях Секции общественных наук Президиума АН СССР в докладе П.Н. Федосеева и

² Подробнее см.: *Могильницкий Б.Г.* О принципах подхода к немарксистской историографии. Уроки А.И. Неусыхина. – История и историки. М., 1991; *Мильская Л.Т.* Александр Иосифович Неусыхин. Тернистый путь ученого. – Новая и новейшая история, 1992, № 3.

³ *Данилов А.И.* О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки. – Вопросы истории, 1961, № 3, с. 216–217.

Ю.П. Францева "О разработке методологических вопросов истории" и в многочисленных выступлениях был поднят широкий круг вопросов, таких, как соотношение между исторической наукой и историческим материализмом, сфера действия специфических исторических закономерностей, роль народных масс и личности в истории, соотношение сознательного и стихийного в историческом процессе и др.⁴

Так уже в начале 60-х годов была намечена исследовательская программа, определившая направленность изучения теоретико-методологических проблем исторической науки в 60–80-е годы. Большую роль в ее реализации сыграл созданный в 1964 г. в системе Института истории АН СССР сектор методологии истории, который возглавил М.Я. Гефтер. За короткий срок своего существования (1964–1969 гг.) сектор стал авторитетным центром историко-методологических исследований, щедро генерировавшим новаторские идеи в сфере разработки теории исторического процесса и природы исторического познания. Широкий научный и общественный резонанс получили издания сектора, рассматривавшие проблемы единства и многообразия исторического процесса, а также теоретико-познавательные проблемы исторической науки⁵.

Обращение к систематическому исследованию теоретико-методологических проблем исторического познания означало возрождение насильственно прерванной в 20-е годы традиции, сложившейся в русской дореволюционной науке. Разумеется, эта традиция не просто реанимировалась. Произошло ее кардинальное переосмысление на базе материалистического понимания истории. На этой теоретической основе в 60–80-е годы развертывается интенсивное изучение широкого круга историко-методологических проблем, начинается преподавание методологии истории в высшей школе, что, собственно, и позволяет говорить о возникновении в эти десятилетия марксистской методологии истории как самостоятельной научной и учебной исторической субдисциплины, занимавшейся теоретико-методологическими проблемами исторической науки. Уже само обращение к этим проблемам несомненно способствовало повышению теоретического уровня нашей науки, преодолению, хотя бы частично, присущей многим ее представителям "гносеологической невинности".

Достаточно обстоятельно исследовалась специфика истории как особой формы научного познания, разрабатывался ее категориальный аппарат, изучался язык историка, а также целый ряд вопросов, объединяемых проблемой "история и современность". Наряду с этим интенсивно разрабатывались теоретические проблемы историографии и источниковедения.

Значительными являются результаты, полученные в изучении методов исторического исследования, в особенности количественных методов. Не останавливаясь на этом вопросе специально, подчеркну лишь принципиальное методологическое значение самого подхода к использованию количественного анализа и математического моделирования в исторических исследованиях, развитого в трудах И.Д. Ковальченко, обосновавшего реальные пути и формы математизации истории и вместе с тем ее объективные границы⁶. Тем самым были показаны как на теоретико-методологическом уровне, так и в историографической практике действительные возможности существенного расширения рамок исторического познания. При этом удалось избежать неоправданной гипертрофии этих возмож-

⁴ Материалы этого обсуждения см. в книге: История и социология. М., 1964.

⁵ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969; Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969.

⁶ Эти исследования были обобщены в книге: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

ностей, характерной, например, для многих представителей американской клиометрии.

Доминантой методологических поисков было обращение к теоретическому наследию основоположников марксизма, освобождение его от вульгарно-догматических искажений сталинского периода. В имевшем программное значение редакционном вступлении к сборнику "Историческая наука и некоторые проблемы современности" прямо подчеркивалось, что "отправным и совершенно необходимым условием" разработки методологии истории "является освоение марксистского, ленинского наследия", которое, однако, "не может ограничиться мобилизацией" цитат, "противопоставляемым тем или иным упрощенным схемам и положениям. Оно должно быть – и переломный характер эпохи к этому обязывает с особенной силой – новым прочтением исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина"⁷.

"Новое прочтение" объективно открывало путь для творческого обогащения марксистской методологии истории, включавшего в конечном итоге определенную ревизию некоторых традиционных постулатов марксизма. Происходившая в разных областях исторической науки эта ревизия затронула и сферу исторического познания. Начинается, хотя и медленно, подспудно, процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания реального многообразия исторической действительности, что такое понимание требует разработки специального категориального аппарата, не сводимого к категориям марксистской социологии (исторического материализма).

В свете этого следует рассматривать оживленное обсуждение в советской историко-философской литературе проблемы исторической закономерности. Среди первых значительных публикаций на эту тему отметим большую статью А.Я. Гуревича, в которой не только на конкретных примерах показывалась научная несостоятельность прямого приложения некоторых фундаментальных законов марксистской социологии к исторической эмпирии и вытекающая отсюда необходимость для исторической науки разработки собственного категориального аппарата, но и указывалось на его существенные особенности, связанные прежде всего с теоретическим осмыслением исторической деятельности человека. Рассматриваемая под этим углом зрения проблема исторической закономерности выходила на такие категории, как историческая случайность, историческая возможность, историческая вероятность, до этого практически не исследовавшиеся в марксистской историографии. В итоге автор формулировал вывод о многовариантности общественного процесса, его предпосылках и природе и проистекающей отсюда задаче исторической науки исследовать все возможные варианты – альтернативы исторического развития⁸.

В дальнейшем категория исторической альтернативности становится предметом специального исследования, причем ее обсуждение из сферы теоретического мышления начинает переходить в область историографической практики. С помощью этой категории стали рассматриваться актуальные проблемы отечественной и всемирной истории⁹. Так постепенно приходит признание альтернативной природы исторического процесса, что объективно вело к преодолению его схематического изображения, столь характерного для распространенных тогда общих социологических концепций движения истории.

В это же время была предпринята первая попытка систематического рассмот-

⁷ Историческая наука и некоторые проблемы современности, с. 6.

⁸ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

⁹ См., например: Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

трения категорий и методов исторической науки в контексте их использования для изучения ряда актуальных проблем средневековой и новой истории. Обосновывая необходимость такого рассмотрения, М.А. Барг подчеркивал, что поскольку "история как наука включает специфический для нее уровень теоретического знания", для нее нет "в настоящее время задачи более актуальной, чем необходимость, опираясь на марксистскую философию, разработать соответствующую этому уровню систему категориального знания, находящуюся на "полпути" между общими законами и категориями исторического материализма, с одной стороны, и исследовательской методикой историка – с другой"¹⁰. И хотя при этом ученый характеризовал категории исторической науки как производные от категорий марксистской философии, явно упрощая существо вопроса, сама его постановка являлась несомненным шагом вперед в процессе теоретической эмансипации советской историографии, разработки ею собственного понятийного аппарата, соответствующего именно историческому уровню социального познания.

Обоснование категориального аппарата шло в русле развертывавшегося в те же годы широкого процесса, который может быть охарактеризован как гуманизация истории. Его первоосновой является отказ от вульгарного социологизаторства, утвердившегося в официальной идеологии догматического марксизма, возвращение к раннему Марксу, акцентировавшему человеческое содержание истории. Не случайно, известное марксистское положение о том, что "история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"¹¹, превратилось в своеобразный историографический штамп, непременно присутствовавший едва ли не в каждой работе, где рассматривалась природа исторического действия.

Было бы, однако, упрощением сводить гуманизацию истории лишь к восстановлению подлинных взглядов основоположников марксизма на исторический процесс и его движущие силы. В действительности последовательное развитие темы "человек в истории", хотя первоначально и шло под лозунгом освобождения классической марксистской теории от искажающих ее природу догматических наслоений, сравнительно быстро стало выходить за эти довольно жесткие рамки. Правда, вплоть до конца 80-х годов нельзя говорить, за немногим исключением, о прямой конфронтации с материалистическим пониманием истории, включающей отрицание его фундаментальных положений. Речь, скорее, должна идти о выходе за рамки классической марксистской проблематики, овладении новыми методологическими подходами, рожденными мировой наукой XX в.

Среди них важное место принадлежит междисциплинарному подходу, утверждающемуся в нашем столетии в качестве главного в изучении человека в истории. Основательно разработанный в зарубежной, прежде всего французской, историографии этот подход значительно обогатил наше понимание исторической деятельности человека как существа многомерного, не сводимого к какой-либо одной ипостаси, пусть и действительно такой важной, какой является его положение в системе производственных отношений. В советской историографии большой вклад в теоретико-методологическое обоснование междисциплинарного подхода, ориентированного на изучение человека в истории, и, одновременно, в реализацию в историографической практике соответствующих методологических установок внесли труды А.Я. Гуревича, посвященные различным аспектам средневековой народной культуры и методологии ее изучения.

Отметим, наконец, методологическое значение интенсивно развивавшихся в 60–80-х годах востоковедческих исследований. Отчасти стимулированные дискуссией об азиатском способе производства, они не только поставили под сомне-

¹⁰ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 24.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

нение универсально-историческое значение марксистской "пятичленки" формаций, но и теоретически, как и конкретно-исторически, обосновали цивилизационный подход к изучению общества, во многих отношениях не совпадающий с подходом формационным.

Таким образом, было бы не совсем корректно утверждать, как это часто делается, что развитие советской историографии протекало целиком в рамках официальной марксистской доктрины, будучи полностью отрезанным от зарубежной исторической мысли. Другое дело, что методологические новации, о которых шла речь выше, не только не определяли общий облик советской историографии, но и по сути своей находились в глубоком внутреннем противоречии с господствовавшей в ней охранительной тенденцией. Эта тенденция, наиболее ярко выражавшаяся в пресловутой борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории, исходила из представления о марксизме как единственной подлинно научной методологии общественного познания, обеспечивающей очевидное превосходство марксистской исторической науки над всевозможными течениями немарксистской историографии. Составляя исходный пункт самого подхода к обсуждению теоретико-методологических проблем исторической науки, это представление ставило естественные пределы такого обсуждения, сообщая ему к тому же жесткую конфронтационность, когда всякое немарксистское положение с порога отвергалось уже просто потому, что оно немарксистское или, хуже того, антимарксистское.

Впрочем, дело не ограничивалось идеологическими проработками. К инакомыслию применялись и более жесткие меры. Пример тому – разгон упоминавшегося выше сектора методологии истории¹², уже в составе Института всеобщей истории АН СССР. В конце 60-х годов сектор подвергся кадровой перетряске, ряд сотрудников был вынужден уйти в другие сектора или даже в другие институты. Сектор теоретических проблем всемирно-исторического процесса (так он стал теперь называться) возглавил академик Е.М. Жуков. В секторе разрабатывались проблемы исторической типологии, соотношения социологических законов и исторических закономерностей, особенности структур процесса общественного развития, нашедшие отражение в ряде монографий¹³. Исследовались проблемы структуры переходной эпохи¹⁴.

Однако в целом "проработка" ученых, занимавшихся методологией истории, крайне негативно сказалась на развитии историко-методологических исследований в стране. Следствием этого явилось резкое сужение познавательного потенциала марксистской методологии истории, обреченной на бесконечное толкование "священных текстов". Были, конечно, как мы видели, и исключения, но само отношение к ним в официальной науке лишь подтверждало общее правило. И это было по-своему закономерно. Поскольку считалось, что фундаментальные теоретико-познавательные проблемы общественных наук раз и навсегда решены в трудах основоположников марксизма-ленинизма, задача советских историков сводилась к тому, чтобы овладеть марксистско-ленинской методологией, научиться искусно применять ее в практике исторического исследования и, главное, вести "наступательную борьбу" против ее действительных и мнимых противников.

¹² Драматическую историю разгрома сектора см.: *Неретина С.С.* История с методологией истории. – Вопросы философии, 1990, № 9.

¹³ Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологическое исследование. М., 1975; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1980; изд. 2, испр., М., 1987.

¹⁴ *Барг М.А.* Указ. соч.; *Барг М.А., Черняк Е.Б.* Великие социальные революции XVII–XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990.

Такая позиция не только вводила совершенствование теоретико-методологического аппарата исторической науки в жесткие идеологические рамки, но и способствовала распространению облегченных подходов к трактовке марксистских категорий исторического познания, в особенности наиболее идеологизированных из них.

Так обстояло дело, например, с истолкованием принципа партийности исторической науки. Нет нужды распространяться о том, какое значение имеет обращение к этой категории для понимания природы исторического познания. Выражающая социальную обусловленность исторической науки, ее неразрывную связь с потребностями общества, она вместе с тем поднимает и целый ряд трудных для исследователя проблем. Важнейшая из них – соотношение партийности и объективности исторического познания. Трудно переоценить научную значимость этой проблемы. Действительно, коль скоро мы признаем социальную обусловленность исторического познания, его зависимость от разного рода социальных и политических импульсов, мы неминуемо должны признать и социальную ангажированность исторической науки, ее неизбежную пристрастность. Но может ли она в этом случае претендовать на ранг объективной науки, а получаемые ею знания – на общезначимость? А если да, то какие познавательные процедуры могут обеспечить достижение адекватности отражения прошлого?

Поэтому следовало бы только приветствовать обращение к этой "вечной" проблеме, истоки которой обнаруживаются уже в античности. Однако сегодня очевидно, что ее решение являлось весьма упрощенным, не раскрывающим действительную сложность взаимоотношений между партийностью и объективностью в историческом познании. По существу, оно укладывалось в рамки нехитрой формулы, допускавшей, правда, отдельные исключения: "Реакционная партийность препятствует объективности исторического познания, а прогрессивная – способствует", ибо первая выражает интересы реакционных классов, а последняя – прогрессивных. Впрочем, утверждалось, что даже в период восходящего развития буржуазии ее своекорыстие ставило границы объективности познания исторической действительности и только коммунистическая партийность как ее высшая форма всемерно способствует объективно-истинному отражению исторического процесса в его существенных чертах, так как она выражается в последовательном проведении в историческом познании коренных интересов рабочего класса, совпадающих с интересами подавляющего большинства общества.

Эта схема, основывавшаяся на известных ленинских постулатах о партийности общественного познания, логически была безупречной. В то же время она была сугубо декларативной, мало проясняя действительную суть взаимоотношений между партийностью исторической науки и ее объективностью. Не приводя более подобных примеров, подчеркнем, что они, отражая общее положение дел в отечественной науке того времени, свидетельствуют о том, что возможности научной позитивной разработки теоретико-методологических проблем исторического познания в рамках классической марксистской теории оказались в основном исчерпанными. Подлинное развитие марксистской методологии истории все более оборачивалось заботой о сохранении ее "чистоты", сопряженной с бесконечным комментированием ограниченного круга цитат из произведений основоположников и откровенно схоластическими упражнениями на заданную тему, в особенности характерными для многих работ по методологии истории, принадлежавших перу философов. Это неизбежно вело к отставанию советской методологии истории от мировой историко-методологической мысли, явственно обнаружившемуся в 80-е годы, к своеобразному провинциализму.

В области исторической гносеологии это отставание нашло свое выражение в консервации архаических представлений о природе научного познания вообще и

общественно-исторического в особенности. В то время как западная историческая мысль, пройдя через крайности ранкеанско-позитивистского буквализма, с одной стороны, и релятивистского презентатизма – с другой, утвердилась в подходе к познанию прошлого как процессу его конструирования, но в системе определенных объективных координат¹⁵, советская историография в трактовке этой фундаментальной гносеологической проблемы оставалась, в сущности, на уровне доминировавших в прошлом столетии представлений об историческом познании как простой реконструкции прошлого. Действительно, лежавшее в основании ее теоретико-методологических построений убеждение в безусловной способности исторической науки давать объективно-истинное знание о своем предмете базировалось на преобладавших в XIX в. взглядах о всемогуществе человеческого разума.

Эти взгляды нашли последовательное развитие в марксистской гносеологии, исходившей из уверенности в безграничных возможностях научного познания и, следовательно, отсутствию каких-либо принципиальных препятствий для реконструкции исторического прошлого во всей его сложности и многообразии. Между тем, в том же XIX в. И. Кант обосновал свое учение о границах человеческого разума, обозначив тем самым господствующую тенденцию в разработке теории познания в конце XIX–XX в. К сожалению, однако, развитие марксистской мысли оказалось вне этой тенденции, что получило свое методологическое обоснование в ленинской теории отражения. Это неизбежно вело к застою творческой мысли советских историков. В то время как наши западные коллеги интенсивно обсуждали проблему границ исторического познания, шаг за шагом приближаясь к пониманию действительных возможностей исторической науки в изучении прошлого, мы с самодовольством всезнаек продолжали твердить хрестоматийные истины ленинизма, все далее уходя в сторону от магистрального пути развития теории научного познания в XX в.

Преодолеть это отставание, однако, нельзя путем простого усвоения результатов, полученных зарубежной наукой, и ее логико-методологического аппарата. Это может привести лишь к усилению провинциализма отечественной методологии истории, ибо обрекает ее на вечное ученичество. Равно как нельзя согласиться и с проявляющимся у нас в последнее время огульным отрицанием материалистического понимания истории как изначально порочного или, во всяком случае, безнадежно устаревшего, не отвечающего современным реалиям и, следовательно, не только не способствующего научному познанию прошлого, но и решительно препятствующего ему. Этот взгляд представляется таким же односторонним, как былое провозглашение марксизма единственно научной методологией социально-исторического познания; он, в сущности, воплощает тот же тип конфронтационного мышления, который характеризовал ортодоксальную марксистскую методологию истории.

Между тем без решительного преодоления конфронтационного мышления сегодня невозможно никакое сколько-нибудь существенное продвижение в разработке теоретико-познавательных проблем исторической науки, о чем, кстати говоря, свидетельствует опыт зарубежной методологии истории, современное состояние которой характеризуют устойчивые интеграционные процессы на базе выраженного методологического плюрализма. Следует вообще подчеркнуть, что курс на методологический плюрализм, включающий, в частности, определенные элементы марксистского научного метода (диалектический подход к исторической действительности, ее социальный анализ и т.п.), по-видимому, превалирует

¹⁵ Kloppenberg J.T. Objectivity and Historicism: A Century of American Historical Writing. – The American Historical Review, v. 84, 1989, № 4.

в современной мировой историко-теоретической мысли¹⁶. Отражая общие тенденции в обсуждении проблем исторического познания, он, в частности, предполагает не только принципиальное отрицание всякого монокаузального объяснения истории на основе какой-либо одной "единственно верной", предполагающей однозначные ответы на все тайны исторического бытия философской системы, но и возможность построения методологического синтеза, включающего положения различных социологических и философско-исторических теорий.

Конечно, речь должна идти не о механическом, эклектическом объединении внутренне несовместимых элементов этих теорий, а об органическом соединении на концептуальном уровне разнородных теоретических постулатов, способных объяснить различные стороны исторической деятельности человека. Такое соединение возможно на базе общей исторической теории, призванной помочь объяснить движение истории в его конкретном многообразии. Эта теория уже в силу своего общего характера не может претендовать на объяснение каждого конкретного исторического события или процесса: реальная историческая действительность неизмеримо сложнее любой, самой изощренной теоретической конструкции. Ее научный статус должен иметь скорее гносеологический, чем онтологический характер. Общая историческая теория должна не продуцировать очередную схему, объясняющую всё и вся в истории человечества, а выработать отвечающий современному уровню научного знания методологический инструментарий, специально ориентированный на изучение многообразной исторической действительности.

И, наконец, последнее. Обсуждение методологических вопросов выводит на проблему связи истории и современности, значение которой особенно рельефно высвечивается в такие переломные времена, как наше. В какой мере историческая наука в состоянии предвидеть эти времена и сопровождающие их общественные потрясения, насколько продуцируемое ею знание способствует их лучшему пониманию и вообще как-то реально воздействует на сложившуюся ситуацию? Ответы на эти вопросы могут прояснить действительные возможности исторической науки как в изучении прошлого, так и в реальном воздействии на настоящее и будущее.

Приходится, однако, признать, что эти возможности (в смысле выявления глубинных тенденций, раскрывающих связь прошлого, настоящего и будущего) являются достаточно ограниченными. Так, на протяжении менее столетия отечественная наука дважды не смогла хоть в какой-то мере прогнозировать драматические события, до основания потрясшие страну: ни русская либеральная историография конца XIX – начала XX в., несмотря на ее выдающиеся достижения в исследовании многих актуальных проблем отечественной и мировой истории, ни вооруженная марксистской методологией советская историческая наука не сумели предвидеть развитие событий, которые привели к радикальным переменам в государственном и общественном строе страны, да и в самом ее облике. Еще менее они могли оказать сколько-нибудь заметное влияние на ход событий и его результаты.

Означает ли это, что историческая наука, обращенная в прошлое, не способна в принципе предвидеть будущее или, во всяком случае, не в состоянии это делать на имеющейся у нее в настоящее время теоретико-методологической базе? Сегодня мы уже не можем просто отмахнуться от этого вопроса, противопоставляя ему былую уверенность в безграничных возможностях марксистского

¹⁶ См., например: *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года. – *Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры.* М., 1991, с. 53; *Raab T.K.* Coherence, Synthesis and Quality in History. – *The New History. The 1980s and Beyond.* Princeton, 1982, p. 330; *Nolte E.* *Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert.* Berlin – Frankfurt a.M., 1991, S. 22.

обществознания не только в изучении прошлого, но и в предвидении будущего. Ни марксизм, ни какая-либо другая философско-историческая система не образует сама по себе достаточную основу для исторического прогнозирования; т.е. предсказания конкретного хода событий в более или менее определенной исторической перспективе. Знаменитые предсказания А. Токвилем французской революции 1848 г. и последовавших за нею событий во Франции и Европе¹⁷ или Ф. Энгельсом первой мировой войны и ее социальных последствий¹⁸, как и подобные озарения других мыслителей, лишь подтверждают отсутствие удовлетворительной методологии и методики исторического прогнозирования – уже хотя бы потому, что даже у этих авторов легко обнаружить еще больше несбывшихся прогнозов. Вспомним хотя бы неоднократные предсказания близкого краха капитализма.

И все же исторической науке трудно отказаться от прогностической функции, ибо в ней в конечном итоге выражается ее претензия на научность. Ведь научное прогнозирование базируется на выявлении глубинных тенденций общественного развития, определении сравнительной силы факторов исторического действия, их соотношения на исторической сцене и возникающих на этой основе закономерностей, проясняющих взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Иными словами, способность предсказывать тенденции общественного развития, воплощенные в конкретных значительных событиях, является показателем научной зрелости истории, обладания ею теорией, способной адекватно раскрывать эту взаимосвязь на уровне исторической закономерности.

В свете социальной практики, в частности и современной, мы должны признать отсутствие такой теории, следовательно, и недостаточную зрелость истории как науки, владеющей своим предметом в той мере, которая позволяет предвидеть ведущие линии его будущего развития. Но та же практика, в очередной раз безжалостно развенчивая иллюзорные представления о будущем, вместе с тем не только дает импульс к созданию такой теории, но и предоставляет в распоряжение истории новый материал для ее построения.

XIX столетие принесло осознание значения надличностных факторов исторического действия, выраженных в поведении масс, обусловливаемом их положением в системе общественных отношений. Так появилась уверенность, наиболее полно реализованная в социологической теории марксизма, в закономерном и прогрессивном характере исторического процесса и вытекающей отсюда возможности не только адекватного познания прошлого и настоящего, но и надежного предвидения будущего.

Эта уверенность была основательно подорвана катастрофическими потрясениями начала XX в. А с ней вместе рухнула и вера в "историю – наставницу жизни". Приводя это изречение Цицерона, Р.Ю. Виппер в свете трагического опыта первой мировой войны и Октябрьской революции писал: "Бывают эпохи, когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю. Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения. Он властно требует объяснения; надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкование исторической науки"¹⁹.

¹⁷ См. *Кустова Л.П.* Об идейно-политических взглядах Алексиса Токвиля. – Методологические и историографические вопросы исторической науки, вып. 15. Томск, 1982, с. 110.

¹⁸ См. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 361.

¹⁹ *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921, с. 3.

Эти слова, написанные более 70 лет назад, звучат сегодня весьма актуально. Но признаём, что эта актуальность отчасти проистекает из того, что историческая наука сейчас, как и тогда, оказалась застигнутой врасплох очередным валом социальных потрясений и вновь, говоря словами русского ученого, "надо неизбежно изменить толкование истории". Сам Виппер усматривал генеральную линию такого изменения в перенесении центра тяжести исторических исследований с состояний и классов на события, личности вождей, организаторов, идейных вдохновителей и т.п.

Однако наш современный опыт решительно предостерегает против оперирования в историческом мышлении взаимоисключающими антитезами. Действительно, XX столетие как бы заново открыло выдающееся значение исторической личности и исторического события, определенно недооценивавшихся в классических марксистских и позитивистских схемах исторического процесса. К тому же на смену характерного для прошлого столетия культа разума пришло осознание значения иррационального в истории, связанного прежде всего с деятельностью человека. Но вместе с тем сейчас все более очевидным становится и значение состояний, структур, долговременных тенденций, определяющих рамки этой деятельности.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы органически соединить на уровне общей исторической теории изучение исторической деятельности человека и обстоятельств, в которых она совершается и которые в той или иной степени ее детерминируют. Сегодня мы слишком хорошо понимаем, насколько эта задача трудна и как ограничены наши познавательные возможности в ее решении, чтобы претендовать на былое всезнайство. И все же, отказ от прежней самонадеянности никак не исключает необходимости новых попыток, пусть пока и заведомо несовершенных, осуществления исторического синтеза, который бы основывался на всестороннем учете всех факторов, творящих историю.

© 1993 г.

К.В. ХВОСТОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В настоящее время в гносеологии истории существует перспективное, на наш взгляд, направление исследований, хотя и не являющееся модным. Это направление условно можно назвать комплексным. В его рамках в известном смысле преодолевается противоположность мнений о роли в исторических исследованиях так называемого идиографического метода (описание индивидуального). Кстати, мнение о преобладании этого метода восходит не только к основоположникам баденской школы неокантианства В. Виндельбанду и Г. Риккерт и создателю школы "истории духа" В. Дильтею, но в конечном счете – к античным и христианским идеям различения духа и природы. Мнение же о близости исследовательских процедур в истории к номотетическому методу (обобщение, установление законов) восходит не только к позитивизму, но и к имеющим античные истоки традициям рационализма, признанию огромных познавательных возможностей разума и знания. В этом плане характерно высказывание знаменитого английского историка и социолога Г. Бокля: "Рост европейской цивилизации зависит единственно от развития знаний, а это развитие – от числа истин, открытых челове-